

ВЕЧЕРНЯЯ АЛМА-АТА

АМРЕ-АГАЙ

К 90-летию со дня
рождения Амре Кашаубаева

90-летию выдающегося певца Амре Кашаубаева был посвящен вечер, состоявшийся в Казахском академическом театре драмы имени М. Ауэзова. Его открыл министр культуры республики Ж. Е. Еркимбеков. О жизни и творчестве акына, о незабываемых встречах с ним рассказали народные артисты Казахской ССР компо-

зитор Л. Хамиди, Герой Социалистического Труда С. Кожамкулов, писатель С. Бегалин и другие деятели литературы и искусства.

На вечере присутствовал заведующий отделом культуры ЦК Компартии Казахстана М. И. Исиналиев.

тайнство любви ко всему, что несет человеческому сердцу радость. Любовь к природе, к целомудренной красоте женщины, к бегу облаков, течению внешних вод.

Амре пел. Он был еще и — теперь я это знаю — блестящим драматическим артистом.

Что-то невообразимое творилось вокруг кумысной лавочки Тлежан-апай. Она сама, помолодев, сияла. Казалось, стены хибарки расширились. Так много собралось народу. Это было проявление того всеобщего восхищения, которое выпадает только на долю великих художников, певцов своего народа, своего времени.

Под «занавес», как говорим мы, актеры, Амре спел «Агаш-аяк» — как раз ту песню, что произвела фурор во Франции. Это был как бы своеобразный творческий отчет перед земляками. Утверждение творческой славы своего

народа, с приходом Советской власти обретшего себя для новой жизни.

Затем состоялась еще одна встреча — теперь уже на гастролях национального казахского музыкального театра в Семипалатинске. Ставился спектакль «Айман-Шолпан» — предтеча нашего олерного искусства. А. Кашаубаев играл в нем роль певца. Эпизодическая скромная эта роль как бы образовала центр или вершину всего сценического повествования.

Для меня Амре-агай остался образным выражением молодости народного духа, зари казахского советского театра. Но он ушел не в прошлое — в будущее. Ибо с прежней, если не большей, силой звучит его голос, его пронизанная светом жизни песня.

Шахан МУСИН,
народный артист
Казахской ССР.

АМРЕ-агай... Ему было бы сегодня девяносто лет. До этого возраста доживают люди. Он ушел слишком рано. И остался для меня молодым навсегда. Тулпар времени не останавливает своего бега. И тут ничего не поделаешь. А если задуматься, то и хорошо, что не останавливается. Поэзия жизни — в ее движении. Тем значительнее для меня то, что она подарила мне в начале пути. Память умеет кочевать в обратное. И я помню, отчетливо и ясно помню, первую встречу с ним, уже в ту пору прославленным на весь мир. Теперь я знаю: тогда Амре Кашаубаев только что вернулся из Парижа, удивленного и поражен-

ного его воистину могучим, по-степному раздольным даром.

Это произошло в Семипалатинске. Только что аке привез меня в этот, по моим представлениям, сказочный город из далекого аула, ютившегося на левом берегу Иртыша. Привез учиться. То был год, что называется, бурного «потока» казахской молодежи в школы, к местам, от которых начинались дороги к знаниям.

Меня определили в школу второй ступени. Тогдашнее ее название романтично: «Казкоммуна». Кстати, я сел за парту рядом с Шакеном Аймановым.

Мы любили заходить в небольшую кумысную лавочку. Ее держала хо-

зяйка дома, где я оставался, Тлежан-апай, жена сына Абая Микаэля.

И вот однажды мы зашли сюда — кто только сюда не заглядывал! В одном из углов восседал Хаджи Мукан — ба-тыр казахской степи, в другом выступала знаменитая Майра. В третьем составляли поэты-импровизаторы. Словом, было все для нас, юнцов, чрезвычайно интересным.

Он вошел неожиданно. Нас поразило его необычное по тем временам вид. Светлый макинтош, шляпа, костюм — все выглядело эффектно и вместе с тем просто.

Вокруг зашептались: Амре-жан. И в одном порыве встали, привет-

ствуя творца и исполнителя полюбившихся народу песен. Амре Кашаубаев был чрезвычайно обаятельным человеком. Талант, видимо, не тяготел над ним. «Свободная, открытая душа» — говорят о таких. Тлежан-апай обратилась к нему с просьбой ответить на приветствие песни. Стало тихо. Что он скажет? Он ничего не сказал. Легкий поклон всем. И вот уже в его руках кем-то протянутая домбра.

Амре начал петь. Помню, для начала он выбрал песню «Ардак». Прикрыл глаза. Заговорили струны, и родилась мелодия такой чистоты и силы, что казалось, где-то над нами разлился серебряный звон. А здесь, рядом, творилось